

ЕГО ДОРОГА – ЕЁ ОЖИДАНИЕ.

РОМАН

МАРГАРИТА ГАЛКИНА

18+

Маргарита Галкина

Его дорога - ее ожидание

«Автор»

2026

Галкина М.

Его дорога - ее ожидание / М. Галкина — «Автор», 2026

Эта история основана на реальных событиях из жизни ее героев. Это рассказ о том, как война меняет людей - даже если один из них находится далеко от линии фронта. О том, через какие испытания им пришлось пройти, чему научиться и как сохранить самое главное: любовь, человечность и веру в друг друга.

© Галкина М., 2026

© Автор, 2026

Маргарита Галкина

Его дорога - ее ожидание

ПРОЛОГ

Могла ли я себе когда-то представить, что одна только мысль: "уехать жить к морю", на столько изменит мою жизнь?

В жизни каждого человека наступает период, когда мы задаем себе вопрос: Нравится ли нам наша работа? Место, в котором живем? В верном ли мы направлении? Чтобы хотелось изменить?

Но откуда берутся эти мысли?

На самом деле, они берутся из внешнего мира. То, что мы видим, слышим, ощущаем кожей и душой, – все это становится сырьем для мыслей.

Я долго рассуждала на тему, что меня держит в Сибири? Где дома, заводы и шахты сплетены одной паутиной. Город дышит дымом, даже снег выпадает серым. Только в старом парке воздух кажется другим – травяным, почти чистым. Но если подняться на холм, за деревьями снова виднеются трубы, копры и черные насыпи, окружившие город, словно крепостная стена.

В этом городе шахтеры возвращаются с черными лицами; заводские рабочие живут по сменному графику; старики рассказывают, как город вырос вокруг первой шахты; праздники связаны с шахтой и заводом.

Однажды я предложила маме переехать на юг – почти невзначай, между двумя глотками остывшего чая и разговорами о самых обыкновенных вещах. Мы сидели на кухне. За окном медленно темнел вечер, на стекле дрожали отражения фонарей, а где-то далеко за домами, уже начиналась ночь. Мама рассказывала что-то про соседку, про цены в магазине, про то, что зима в этом году особенно холодна. Я услышала ее в полуха, перебирая пальцами край скатерти, и вдруг совершенно спокойно сказала:

-А ты не хотела бы когда-нибудь переехать на юг?

Сказала так, будто речь шла о новом пальто или поездке на выходные. Будто это не было предложением оставить дом, знакомый до последней трещины на подоконнике, улицу, на которой каждый двор хранит кусочек прошлого, соседей, знающих всю нашу семью по имени, и все, те, маленькие привычки, из которых незаметно складывается целая жизнь.

Она посмотрела на меня внимательно, чуть прищурившись, словно пыталась понять, шучу я или нет.

На юг? переспросила мама.

Ну да. Там тепло. Море рядом. Солнца больше. Можно было бы гулять каждый день, не ждать, когда закончится эта бесконечная зима. Я говорила легко, почти мечтательно, будто просто рисовала картинку в воздухе. Я не сказала ей, что давно думаю об этом.

Не сказала, что мне хочется не просто другой город, а другую жизнь – более медленную, мягкую, не такую колючую. Жизнь, в которой не нужно каждое утро торопиться, надевать несколько слоев одежды, ждать автобус под ледяным ветром и считать месяцы до наступления тепла. Мне хотелось, чтобы были дни наполненные солнцем. Чтобы открывая окно, мы могли слышать не только шум машин, но и шелест деревьев, крики птиц и далекий голос моря.

Мне хотелось уехать туда, где воздух пахнет солью и травами, где вечера долго не темнеют, а утро приходит не серым и тяжелым, а ясным, теплым, почти ласковым. Туда, где зима – всего лишь короткая пауза между цветением и новым цветением.

Но вслух я сказала только:

Там наверное хорошо.

Мама улыбнулась. Не сразу, чуть заметно, как улыбаются люди, которым предложили нечто слишком большое, чтобы поверить в это с первого раза.

Хорошо, наверное, – ответила она. – только это ведь не все так просто.

И в этих словах было все: и дом, который трудно оставить; и фотографии в шкафу; и книги перечитанные десятки раз; и годы, прожитые в одном городе. В ее "не так просто" спряталась целая жизнь – та, которую, нельзя собрать в несколько коробок и перевезти на машине.

Я кивнула, хотя внутри у меня что-то тихо сжалось.

Конечно, я знала, что все не просто. Знала, что переезд – это не только море, солнце и виноград. Это новые улицы, чужие магазины, незнакомые лица, непривычные голоса за стеной. Это необходимость начинать сначала там, где у тебя уже нет прошлого. А прошлое, как ни странно, иногда держит человека крепче любых стен. Но мне все равно хотелось однажды сказать ей: "Поехали" Не в качестве шутки, не между делом, не как случайную мысль, а всерьез. Поехали – не потому, что здесь все плохо, а потому, что мы заслуживаем хорошего.

Я предложила ей юг почти невзначай, но за этим невзначай пряталась моя любовь.

Та самая любовь, которая редко говорит о себе прямо. Она не всегда умеет произнести "я хочу, чтоб ты была счастлива". Иногда она просто замечает, как мама кутается в теплый шарф, и думает о солнечном ветре.

Мама еще долго молчала. Потом спросила:

А ты поедешь?

Я посмотрела на нее и улыбнулась.

Конечно.

Мне хотелось вернуть ей хотя бы малую часть того тепла, которым она когда-то согревала меня.

В детстве мама была моим югом. Даже в самые холодные дни рядом с ней становилось теплее. Она умела превращать обычную кухню в безопасное место, длинную дорогу – в приключение, дождливое утро – в повод остаться дома и испечь пирог. Она была тем местом, куда всегда можно было вернуться, даже если весь мир казался чужим. Поэтому я предложила ей переехать. Не потому, что юг способен отменить прошлое или исцелить все печали. Не потому, что там не бывает одиночества, дождей и сложных дней. А потому, что иногда человеку нужно просто позволить себе поверить в возможность перемен. На тот момент, в мои 28 лет за моими плечами осталась целая жизнь: брак, который не выдержал испытаний, и двое детей, ради которых я продолжала идти вперед.

В этом городе больше ничего не держало меня. Все, что когда-то казалось важным, стало частью прошлого.

Переезд заставляет человека честно посмотреть на всю свою жизнь – не только на ту, которую он помнит, но и на ту, что прячется в дальних углах шкафов и антресолей. Все, что раньше можно было отложить на потом, вдруг требовало ответа. Зачем нам это? Почему мы все еще храним это? Кому принадлежит эта вещь – нам или нашему прошлому?

Одни предметы мы складывали без раздумий. Они были необходимы: документы, посуда, одежда, техника, постельное белье, книги, лекарства. Другие проходили долгий отбор. Мы держали их перед собой, взвешивая не руками, а памятью. Что-то отправлялось в коробки, что-то в пакеты, что-то оставалось тем, кто мог воспользоваться этим здесь. Были вещи которые мы не смогли взять, хотя очень хотели. Были и такие от которых пришлось отказаться, потому что любая дорога требует не только выбора того, что ты берешь с собой, но и мужества оставить то, что больше не помещается в новую жизнь.

На полу росли картонные башни. Коробки появлялись одна за одной и постепенно занимали все свободное пространство. В каждой комнате становилось теснее, но в то же время – легче. Словно дом, освобождаясь от вещей, медленно отпускал нас.

Мы подписывали каждую коробку: "кухня", "книги", "одежда", "важное", "хрупкое". Иногда рядом с обычной надписью появлялись дополнительные пометки – "открыть первым", "не переворачивать", "бережно", "на юг". Эти слова были простыми, почти деловыми, но за ними скрывалось волнение.

В день отправки мы еще раз прошли по комнатам. Проверили шкафы, заглянули под кровати, открыли ящики, выключили свет. В пустом доме наши шаги звучали громче обычного. За окном все было по-прежнему: знакомый двор, холодный воздух, сибирское небо, которое мы видели бесчисленное количество раз. Но внутри уже что-то изменилось. Мы больше не были теми, кто просто живет здесь. Мы стали людьми, которые собираются уезжать.

Коробки, отправленные транспортной компанией, уже двигались на юг. Мы не знали точно, где они находятся в этот момент, по какой дороге едут, через какие города проходят. Но нам нравилось думать, что вместе с ними в путь отправились наши привычки, наша память и маленькие доказательства того, что когда-то у нас был дом в Сибири.

Поезд тронулся почти незаметно – сначала дрогнул вагон, потом где-то внизу протяжно вдохнули колеса, и за окном медленно поплыла платформа. Люди на перроне еще несколько секунд шли рядом с поездом, махали руками, переговаривались, стараясь перекрыть гул отправления. Потом их лица начали отдаляться, становиться неразличимыми, превращаться в отдельные цветные пятна, и вскоре остались позади вместе с вокзалом, его часами, объявлениями и запахом горячего кофе.

Город долго не отпускал поезд. Сначала за окном тянулись улицы, тесно зажатые между домами, окнами и проводами. В них мелькали кухни, балконы, сушившееся белье, одинокие люди у стекла. Где-то горел свет, где то на подоконнике стояли цветы, кто то у окна смотрел на проходящие мимо вагоны. Город показывал себя короткими вспышками, будто листал перед пассажирами огромную книгу, не позволяя задержаться не на одной странице.

Колеса продолжали стучать. Дорога не обещала, что впереди будет легче, не объясняла, зачем нужно ехать дальше. Она просто продолжалась – за поворотами, мостами, лесами и городами, которые один за другим исчезали в темноте. И в этом движении было что-то почти утешительное: пока поезд шел, все оставалось возможным. За следующим холмом мог появиться новый город, за следующим городом – другая жизнь, а за рассветом – место, в котором еще никто не знал твоего имени.

ЗА ПОРОГОМ ПРЕЖНЕЙ ЖИЗНИ

Когда мы вышли с поезда, город встретил нас не словами, а воздухом.

Он был совсем другим – теплым, мягким, почти невесомым. После нескольких дней дороги, после стука колес, мерного покачивания вагона и бесконечной смены пейзажей мы вдруг оказались в месте, где даже дыхание ощущалось иначе. Воздух здесь не обжигал легкие морозом, не пах снегом и промерзшей землей. Он был наполнен солнцем, пылью, листвой и чем-то незнакомым, южным, будто сам город хранил в себе обещание новой жизни.

Мы стояли на перроне с чемоданами, сумками и тем особенным молчанием, которое бывает только в минуты больших перемен. Позади оставался не только город – оставалась целая жизнь. Сибирь, ее долгие зимы, хрустальный мороз по утрам, белые дороги, темные вечера и привычное чувство дома.

Мы сделали первые шаги. Мы вступаем в новую главу – такую, у которой еще нет названия, привычек и воспоминаний. Все здесь предстояло узнать заново: дороги, дворы, окна домов, любимые места, голоса соседей, запахи утреннего города. Нам предстояло пустить корни там, где еще вчера мы были чужими.

ГДЕ НАС ЕЩЕ НИКТО НЕ ЗНАЕТ

Первые прогулки мы совершали без цели. Шли по тенистым переулкам, сворачивали туда, где за невысокими оградами виднелись сады, слушали непривычную речь прохожих и постепенно запоминали названия улиц. Город раскрывался медленно: то ярким балконом, увитым зеленью, то маленькой кофейней на углу, то стариком, каждый вечер сидевшим на скамейке и провожавшим взглядом всех, кто проходил мимо.

Первые знакомые появились почти незаметно. Кто-то подсказал, где находится хорошая булочная, кто-то рассказал о школе и детском садике, а кто-то просто улыбнулся во дворе – и от этой улыбки новый город стал чуть ближе. Среди разговоров, случайных встреч и коротких "здравствуйте" постепенно возникало ощущение, что мы не совсем чужие.

Оформление детей в садик и школу стало первым настоящим шагом в новую жизнь. Мы собирали справки, заполняли бумаги, стояли в очередях и волновались, будто от этих подписей зависела судьба всего нашего будущего. Дети тем временем рассматривали незнакомые кабинеты, примеряли новые рюкзаки и спрашивали, когда же начнутся занятия. Их доверие к переменам помогало и нам не бояться.

А потом была наша квартира. Пока еще непривычной – с пустыми комнатами, эхом шагов и коробками, сложенными вдоль стен. Но с каждым днем она становилась теплее. На окнах появлялись занавески, на кухне – запах свежей выпечки, в детской – разбросанные игрушки и школьные тетради.

Мы обживали ее не только вещами но и воспоминаниями: первым семейным ужином, первым дождем за окном, первым вечером, когда вдруг поняли – мы дома.

Так, день за днем, южный город переставал быть точкой на карте. Он становился частью нашей истории – с его солнечными улицами, новыми людьми, детскими голосами и домом, в котором начиналась новая глава нашей жизни.

РАЗРЕШИТЕ МНЕ БЫТЬ ИСКРЕННЕЙ

Сегодня я знакомлю вас с историей, которая возможно не оставит вас прежними. Историей, способной проникнуть глубже обычных слов, коснуться самых тонких струн души и однажды – среди шума повседневности – напомнить о том, что каждый человек способен пройти через невозможное. Это история, которая, может довести до мурашек не потому, что в ней есть только боль, тайна или драматические события, а потому что в ней есть нечто настоящее. В ней есть страх, надежда, потери, выборы. ошибки и вера – та самая вера, которая иногда остается единственным светом в кромешной темноте.

Каждая глава этой книги несет в себе частицу пути, который пришлось пройти, чтобы она появилась. В этих страницах есть бессонные ночи, сомнения перед пустым листом, страх не быть услышанной и боязнь того, что задуманное окажется слишком необычным, слишком личным или слишком смелым. Но вместе с этим здесь есть и другое – радость, от каждого найденного слова, волнение от каждой неожиданной мысли.

Я не знаю, каким будет ваше первое впечатление от этой истории. Возможно, сначала она покажется вам загадочной. Возможно, некоторые ее страницы заставят вас остановиться и перечитать отдельные строки. Быть может, вы узнаете в героях собственные страхи, несказанные желания или ту часть себя, которую когда-то пришлось спрятать от окружающих. А может, эта книга просто станет для вас путешествием – необычным, тревожным, красивым и немного болезненным.

Но я надеюсь на одно: что эта история останется с вами хотя бы ненадолго.

Что после последней страницы вы еще будете возвращаться к ней мысленно. Что отдельные слова будут всплывать в памяти в самые неожиданные моменты. Что некоторые сцены

заставят вас почувствовать холод на коже, а некоторые – тепло, которое невозможно объяснить. Ведь настоящая история заканчивается не тогда, когда закрывается книга. Она продолжается внутри читателя – в его мыслях, воспоминаниях и чувствах.

Эта книга стала для меня шагом в неизвестность. Шагом навстречу тому, чего я прежде не пробовала, не создавала и не позволяла себе представить. Она появилась из желания нарушить привычное, отыскать собственный голос и рассказать о том, что, возможно, давно ждало своего часа.

Я не стремилась создавать просто историю. Мне хотелось создать нечто такое, что сможет удивить, взволновать и оставить после себя след.

Прежде чем вы отправитесь в это путешествие, я хочу попросить вас об одном: не торопитесь. Позвольте этой истории раскрыться перед вами постепенно. Не пытайтесь сразу найти в ней объяснения всему происходящему. Иногда самые важные смыслы приходят не в момент прочтения, а спустя время – когда слова уже отзвучали, а эмоции, все еще живут внутри.

Если эта история вызовет у вас мурашки, заставит сердце забиться чаще, подарит слезу или хотя бы на несколько минут заставит забыть обо всем вокруг, значит, она появилась не напрасно.

А теперь я открываю перед вами ее двери.

УЛИЦЫ, ВЕДУЩИЕ К СУДЬБЕ

Девятого июля лето стояло в самом разгаре – жаркое, солнечное и почти беззаботное. Воздух дрожал над раскаленными крышами домов, асфальт сиял от яркого света, а редкие порывы ветра приносили с собой запах нагретой травы и пыли. Казалось, сам день торопился куда-то вместе с нами, подталкивая в спину и обещая впереди что-то радостное и необыкновенное.

Мы с моей подругой Мариам стояли у дороги и ждали такси. В руках у нас были подарки для Юли – аккуратно упакованные, перевязанные лентами и наполненные не только вещами, но и нашими добрыми пожеланиями. Рядом лежали хлопушки и пакетики с конфетти, которые мы приготовили заранее. Нам хотелось, чтоб наше появление стало настоящим маленьким праздником – шумным, ярким и запоминающимся.

Мариам то и дело смотрела на телефон, проверяя, далеко ли такси, а я пыталась представить, как Юля встретит нас. Мы обсуждали, кто первым вручит подарок, как лучше незаметно подкрасться к беседкам и в какой момент запустить хлопушки. От этих разговоров становилось еще веселее, и ожидание уже само по себе превращалось в часть праздника.

Наконец вдали показалась машина. Она подъехала к нам, остановилась у обочины, и мы быстро погрузили подарки. В салоне было немного прохладнее, чем на улице, и мы с облегчением устроились на сиденьях. За окном начали сменяться знакомые улицы, дома и перекрестки. Город постепенно оставался позади, а дорога становилась все свободнее. Солнце заливало все вокруг золотым светом, скользило по стеклам машин и вспыхивало на листьях деревьев.

По дороге мы много разговаривали и смеялись. Волнение перед встречей смешивалось радостью, и от этого поездка казалась особенно приятной. Мы ехали на базу отдыха, где Юля праздновала свой день рождения, и каждая минута приближала нас к долгожданной встрече. Иногда мы замолкали, глядя в окно, и тогда слышно было только негромкое урчание двигателя да шелест ветвей за стеклом.

Когда мы приехали, нас встретил чистый загородный воздух, наполненный запахом сосен, травы и разогретой земли. Здесь все казалось просторнее и светлее: небо – выше, деревья – зеленее, а солнечные лучи – мягче, несмотря на жару. База отдыха жила своей неторопливой летней жизнью. Где-то звучала музыка, слышались голоса отдыхающих, раздавался смех. Вда-

леке виднелись беседки, спрятавшиеся среди деревьев, словно маленькие уютные островки, соединенные между собой тропинками.

Мы вышли из такси, поправили подарки и направились вперед. Сначала тропинка казалась длинной, и беседки виднелись лишь вдаль, почти теряясь среди зелени. Мы шли рядом, осторожно обходя выступающие корни и небольшие камни, смеялись и переглядывались, словно делились одной общей тайной. Солнечные пятна двигались по земле вместе с нами, просачиваясь сквозь густые кроны деревьев.

Чем дальше мы шли, тем ближе становились беседки. Сначала они появлялись лишь краешком крыши из-за деревьев, затем уже можно было различить деревянные столбы, украшения и разноцветные детали праздничного стола. С каждым шагом мы все яснее слышали голоса друзей и музыку. Издалека доносился звон посуды, чей-то звонкий смех и обрывки разговоров. Праздник постепенно открывался пред нами, будто яркая картина, к которой мы медленно приближались по зеленой тропинке.

Мариам крепче прижала к себе подарок и тихо сказала, что пора готовить хлопушки. Мы остановились на мгновение, проверили, все ли у нас на месте, и снова зашагали вперед. Внутри у меня появилось приятное волнение – такое бывает, когда впереди ждет радостная встреча, а сердце уже знает, что этот день обязательно запомнится.

И вот мы наконец увидели Юлю. Она стояла возле беседки среди друзей, улыбалась и что-то оживленно рассказывала. На ней была легкая летняя одежда, а волосы чуть шевелил теплый ветер. Когда она заметила нас, ее лицо сразу осветилось радостью. Она махнула рукой и поспешила на встречу.

Наконец-то вы приехали! – воскликнула Юля, обнимая нас по очереди.

Мы рассмеялись, поздравили ее с днем рождения и вручили подарки. Юля принимала их с искренним удивлением и счастьем, благодарила нас, крепко обнимала и все время повторяла, как рада, что мы приехали. В этот момент вокруг будто стало еще светлее. Солнце сияло над нами, ветер шевелил листья, а воздух наполнился теплом и радостью.

Мы решили, что настало время для сюрприза. Мариам достала хлопушку, я приготовила свою, и мы преглянулись. На счет три раздались громкие хлопки, а в воздух взметнулось разноцветное конфетти. Маленькие яркие бумажки закружились над нами, словно праздничный дождь, и медленно опустились на землю, стол, волосы и плечи. Все вокруг засмеялось и зааплодировало. Юля сначала удивленно вскрикнула, а потом рассмеялась так искренне и звонко, что невозможно было не улыбнуться вместе с ней.

Конфетти блестело на солнце, переливалось всеми цветами и превращало обычный летний день в настоящую сказку. Казалось, даже деревья вокруг радовались вместе с нами: листья тихо шептались на ветру, а солнечные лучи пробивались сквозь ветви и рассыпались золотыми бликами по дорожке.

Мы вошли в беседку, где уже был накрыт стол. На нем стояли блюда, фрукты, сладости и большой красивый торт, украшенный свечами. Все вокруг выглядело уютно и по-домашнему, несмотря на то что мы находились далеко от города. Деревянные стены беседки хранили прохладу, а рядом шелестели высокие травы и пахло свежестью. Праздничная атмосфера чувствовалась в каждой детали: в разноцветных салфетках, воздушных шарах, подарках собранных на краю стола, и в улыбках людей, которые здесь собрались ради Юли.

Мы с Мариам сели рядом и некоторое время просто наблюдали за происходящим.

Напротив меня сидел молодой человек, которого я прежде никогда не видела. В шуме праздничного вечера он почему-то казался отдельным от всех – тихим, загадочным, почти нереальным. Я смотрела на него украдкой и уже успела придумать несколько историй о том, кто он такой, когда звон вилок о край фужера вернул меня к застолью.

Юля поднялась со своего места и, дождавшись тишины, сказала:
Давайте послушаем тост моего брата.

"Антон"! точно. - Это и есть тот самый брат, о котором я неоднократно слышала от Юли – подумала я в тот момент. Они даже похожи.

В тот же момент он стал центром внимания. Пока он произносил поздравительную речь, я с умилением, осторожно пробежалась по нему глазами, хотя с виду могло показаться, что я взглядом вот-вот просверлю в нем дыру.

Он из тех людей, чья красота небросается в глаза мгновенно, а постепенно овладевает вниманием, заставляя задерживать взгляд дольше, чем принято. В его лице что-то удивительно цельное и гармоничное – словно природа, создавая его, особенно тщательно подбирала каждую черту, не позволяя ни одной оказаться случайной.

Темные волосы делают его образ еще глубже, еще загадочнее, словно за внешней сдержанностью скрывается целый мир, открывающийся далеко не каждому.

Особенно красивы его скулы – четкие, благородные, словно выточенные рукой искусного мастера. Они придают его лицу мужественность, но не лишают мягкости. В их линиях сочетаются сила и изящество: строгость, которая не пугает, а притягивает, и тонкая хрупкость, заметная лишь тем, кто умеет смотреть внимательно.

Но больше всего, я обратила свое внимание на его глаза. Зеленые, глубокие, живые – они напоминают то ли прозрачную воду лесного озера, то ли молодую листву, на которую падает солнечный свет. В них меняются оттенки: иногда они кажутся темными, почти изумрудными, иногда – светлыми и ясными, как трава после дождя. Взгляд его может быть спокойным и задумчивым, а может стать теплым, насмешливым или удивительно серьезным. В тот момент, мне казалось, что в этих глазах жила какая-то недосказанность, тайна, которую хотелось разгадать, даже понимая, что на это может не хватить целой жизни.

Темные ресницы густой тенью подчеркивают зелень его глаз, делая взгляд еще более выразительным. Не большая родинка на лице – крошечная, но удивительно значимая деталь. Она не нарушает совершенства его черт, а, наоборот, делает его неповторимым. Словно маленькая точка, поставленная самой судьбой, чтобы подчеркнуть: перед тобой не безупречный образ из грез, а настоящий человек – живой, уникальный, единственный. Именно такие детали чаще всего и остаются в памяти, превращаясь со временем в самые дорогие воспоминания.

Он красив не только внешностью. В нем чувствуется особая притягательность – тихая, ненавязчивая, но оттого еще больше сильная.

Возможно, кто-то из присутствующих гостей заметил, как часто наши глаза встречались. Может быть, кто-то уловил эту странную тишину, возникавшую между нами посреди общего веселья. Впрочем, мы старались не выдавать себя. Каждый раз, когда наши взгляды пересекались, мы словно делали вид, что это произошло случайно.

Праздник постепенно подходил к концу. Музыка стала тише, голоса – спокойнее. Именно тогда, когда все вокруг стало тише, мы наконец оказались рядом. Не в центре внимания, не среди громких разговоров, а где-то у выхода, в коротком промежутке между праздником и расставанием. Наш разговор был совсем недолгим – всего несколько фраз, простых и почти неприметных для кого-то со стороны. Мы сказали друг другу что-то обычное: попрощались, пожелали добраться домой, возможно, обменялись еще несколькими словами о вечере. Ничего такого, что могло бы показаться важным. Но иногда значение имеют не сами слова, а то, как они произнесены.

Потом мы разъехались по домам. Каждый отправился своей дорогой, унося с собой лишь несколько случайных фраз и воспоминание о взглядах, которые весь вечер пересекались среди множества других лиц. Казалось бы, ничего не произошло. Не было признаний, долгих бесед,

обещаний или прикосновений, которые могли бы придать этому вечеру особое значение. Все осталось почти незаметным, будто тонкая линия, проведенная карандашом на полях книги.

И все же, когда я оказалась дома, тишина показалась мне совсем другой. На душе остался теплый след – едва уловимый, но удивительно живой. Он не был похож на вспышку сильного чувства, не требовал немедленных решений и не заставлял давать клятвы. Это было что-то спокойное и светлое.

Иногда самые важные встречи начинаются именно – так не с громких слов и не с уверенных шагов на встречу, а с нескольких взглядов, украденных среди общего шума. С улыбки, которую можно принять за случайность. С пары фраз у двери, когда вечер уже закончился, а что-то невидимое только начинало рождаться. Возможно тогда мы еще не знали, что этот праздник останется в памяти не музыкой, не разговорами гостей и не событиями, которые происходили вокруг, а именно тем, как наши взгляды искали друг друга среди людей.

Может быть, это была всего лишь случайность. А может быть, первая страница истории, которую мы еще не умели читать.

ГОЛОС НА ДРУГОМ КОНЦЕ ПРОВОДА

Утро началось со звонка.

Сначала мне показалось, что телефон звонит во сне – где-то далеко, за стеной, в чужой квартире, в другой жизни. Звук то приближался, то снова тонул в вязком, сером воздухе сна. Я не сразу поняла, что он раздается на моей прикроватной тумбочке. Открыла глаза и долго смотрела на дрожащий экран, будто не могла вспомнить, что за свет, откуда он взялся и почему так настойчиво пробивается сквозь утреннюю тишину.

За окном начинало светать. Небо было бесцветным, с тонкой полосой молочного цвета над крышами. В комнате было прохладно, и одеяло тяжело лежало на ногах.

Телефон продолжал звонить.

На экране высветилось имя:

****Юля****.

Сестра Антона.

Я ответила не сразу. Почему-то мне вдруг стало страшно прикоснуться к зеленой кнопке, словно за ней находилось не человеческое "алло", а дверь, которую уже нельзя будет закрыть.

Алло?

Я в ответ услышала дыхание.

Тяжелое, рваное, скрывающееся. Юля не говорила – она плакала. Пыталась взять себя в руки, но слезы мешали ей дышать, а дыхание – произнести слова.

Я села на кровати.

Юль? Что случилось?

Ты.... Ты спала?

Да. Юля что произошло?

Он... – Начала Юля.

И замолчала.

Одно это "он" оказалось страшнее любой вразы.

Кто он? Муж? Антон?

Антон. Уехал.

Куда он уехал? Что значит уехал?

Он уехал в зону специальной военной операции.

Я перестала слышать отдельные слова. Они будто расплылись в воздухе, смешались с утренним светом, с шумом за окном, с моим собственным сердцебиением.

Я сейчас приду.
Не надо, ты....
Сейчас буду у тебя.
Мне так страшно.
Знаю.

Хотя я не знала. Не могла знать, насколько ей страшно. В тот момент я сама еще не успела испугаться по-настоящему. Страх стоял где-то рядом, за дверью, и только ждал, когда я перестану цепляться за простые действия: одеться, найти ключи, закрыть окно.

Я хотела сказать ей что-нибудь правильное. Что все будет хорошо. Что Антон вернется. Что это ненадолго, что он обязательно позвонит, что нужно держаться. Но эти слова показались мне слишком маленькими и пустыми. Они не могли защитить ее, не могли остановить дорогу, по которой он уже уехал.

Для меня уже все изменилось.
Антон уехал.

Не в командировку. Не на несколько дней. Не туда, где его можно было бы встретить на вокзале, махнуть рукой и дожидаться вечером. Он уехал туда, откуда люди возвращаются другими – если возвращаются вообще.

Я бежала изо всех сил. Воздух рвал легкие, сердце билось где-то в горле, а земля мелькала под ногами.

Я здесь, – сказала я.
И сама не знала, насколько важными окажутся эти слова.
Мне не хотелось произносить пустых фраз:

Не хотела говорить "Все обязательно закончится", "Не переживай", "он сильный", "Главное – думать о хорошем". Иногда такие слова звучат не как поддержка, а как попытка поскорее закрыть чужую боль, потому что нам самим тяжело на нее смотреть. Но боль не нужно было закрывать. Ей нужно было дать место. Разрешить ей быть – хотя бы в этот день, хотя бы между нами.

Она попыталась улыбнуться.

Я думала, что справлюсь, – сказала она.
Я подошла и обняла ее.
И тогда она заплакала.

Не тихо и красиво, как плачут в кино, а тяжело и судорожно, почти беззвучно. Она уткнулась мне в плечо, сжала пальцами ткань моей одежды, будто боялась, что если отпустит, то провалится куда-то, откуда уже не выберется. Я гладила ее по спине и ничего не говорила. Только держала. Иногда человеку не нужны объяснения. Ему нужно почувствовать, что рядом есть кто-то живой, теплый, настоящий. кто-то, кто не испугается его слез и не попросит немедленно взять себя в руки.

Мы плакали долго. Вместе.

Плакали о том, что невозможно изменить. О расстоянии. О неизвестности. О том, что теперь каждое сообщение будет начинаться с тревоги, а каждый звонок – с короткой паузы перед тем, как ответить. Плакали о том, что в мире есть вещи, которые случаются не по справедливости и не по чьей-то готовности. О том, что иногда человек уезжает, а ты остаешься – и должен продолжать делать самые обычные вещи: просыпаться, есть, работать, отвечать на

сообщения, покупать хлеб, мыть посуду. Будто сердце не должно было остановиться вместе с ним.

Она рассказывала мне о брате. О том, каким он был в детстве. Рассказывала мне о том, как он красиво играет на гитаре, о первой дружбе с девочкой. Рассказывала про того самого мальчика, который когда-то прятал конфеты в шкафу и обещал защитить своих сестер от всех чудовищ.

А потом она вдруг рассмеялась.

Сквозь слезы, неожиданно, почти виновато.

Я тоже засмеялась.

Сначала тихо, потом громче. Смех был странным – мокрым от слез, неровным, почти болезненным. Но он пришел, и мы не стали его прогонять. В тот день мы поняли, что смех не предательство. Не значит, что мы забыли о нем или перестали бояться. Просто даже в самой темной комнате иногда появляется маленькая щель, через которую пробивается воздух.

В тот день мне хотелось забрать у нее этот страх. Хотелось стать стеной, которая остановит все плохие новости, расстоянием, которое можно пройти за один шаг, голосом, который скажет: "он в безопасности". Но я не могла. Я не могла брата вернуть домой одним объятием, не могла заставить войну остановиться, не могла дать ей гарантий.

Я могла только остаться.

И это было все, что у меня было.

Но может быть, иногда именно это и есть самое важное – не обещать невозможного, а не уходить когда становится страшно. Не искать правильных слов, а сидеть рядом в неправильной, тяжелой тишине. Не пытаться вытащить человека из его боли силой, а войти в нее вместе с ним, взять за руку и сказать: "Я не знаю, как сделать так, чтобы тебе не было больно. Но я не оставлю тебя одну".

В тот день мы не пытались быть сильными.

Позже она сказала мне:

Спасибо, что ты была рядом. Я бы наверное сошла с ума.

Я не знала что ответить.

Мне казалось, что я не сделала ничего особенного. Не сказала великих слов, не придумала решения, не остановила время. Я просто пришла. Просто обняла ее. Просто сидела рядом. Снова держала за руку, когда страх возвращался.

Если мое присутствие хотя бы немного удержало ее от края, если помогло ей пережить этот день, если среди всего этого страха она смогла хотя бы на несколько минут почувствовать себя не одинокой, значит, я сделала все, что могла.

Мы не победили боль.

Мы просто разделили ее пополам.

И от этого она стала чуть легче.

СУДЬБА НАПИСАЛА ПЕРВОЙ

Мне все время хотелось поддержать его, но как? Как мне ему сказать об этом? Как я напишу ему первая? Пока мои рассуждения крутились в голове, написал он. Видимо между нами в тот день, в июне девятого, появилась связь, которая видима только нам.

Это произошло неожиданно. В самый обычный момент, когда я не ждала ни уведомлений, ни перемен. День шел своим чередом, вокруг происходили привычные вещи, а внутри меня жила та самая тихая мысль о нем, которую я старалась не замечать.

Телефон вдруг ожил.

Я увидела его имя – и на мгновение словно перестала дышать. В этом имени было все сразу: тревога, радость, удивление, нежность и страх. Я перечитала сообщение несколько раз, будто не могла поверить, что оно действительно адресовано мне. Казалось, что эти несколько слов пересекли огромное расстояние, миновали холод, шум, опасность и одиночество, чтобы оказаться именно в моих руках.

Он написал первым.

И в этой простой фразе для меня было больше, чем просто начало разговора. Это было похоже на тихий стук в дверь, за которой я давно стояла, не решаясь постучать сама. Он словно протянул мне невидимую нить и позволил держаться за нее, даже находясь далеко. А я, не задавая лишних вопросов, осторожно взялась за этот конец.

Я ответила сначала сдержанно, почти осорожно, будто боялась выдать, как сильно ждала именно этого сообщения. Мы говорили о простом – о днях, о погоде, о том, как проходит время. Но за каждой обычной фразой слышалось что-то большее. Между словами появлялась забота, которую мы не называли, внимание, которое не требовало объяснений, и тепло, которое постепенно становилось все заметнее.

Мне хотелось поддержать его, но я не знала, какие слова способны достать туда, где он находился. Как сказать человеку, что он важен, не перегружая его лишними переживаниями? Как напомнить, что его ждут, не заставляя чувствовать себя обязанным? Я искала правильные фразы, но со временем поняла: иногда поддержка – это не красивые речи и не обещания, а простое присутствие.

Быть на связи.

Отвечать, когда есть возможность.

Слушать, когда хочется говорить.

Молчать рядом, когда слова не находятся.

Постепенно наши разговоры стали другими. В них появилось больше открытости, больше доверия, больше личного. Мы уже не просто обменивались сообщениями – мы начинали узнавать друг друга.

Я замечала, как он умеет шутить даже тогда, когда ему тяжело. Как внимательно читает мои слова. Как запоминает незначительные детали, которые я сама считала случайными. Как иногда одной короткой фразой может согреть сильнее, чем длинные признания.

Мы не могли быть рядом физически, но постепенно становились близкими душевно.

Он делился тем, что обычно оставляют при себе. Я тоже училась быть искренней, не прятаться за осторожностью и не делать вид, что мне все равно. С каждым разговором исчезала необходимость подбирать идеальные фразы. Мы могли просто быть собой – иногда сильными, иногда уставшими, иногда смешными, иногда слишком чувствительными. И именно в этой простоте было что-то настоящее.

Мне казалось удивительным, как быстро человек может стать важным. Еще недавно он был частью моих мыслей, которые я боялась выразить, а потом вдруг оказался внутри моей жизни – в моих утрах, вечерах, планах и надеждах. Его имя стало вызывать не только тревогу, но и светлую радость. Его сообщения я воспринимала как маленькие знаки того, что между нами действительно существует что-то особенное.

Не было одной конкретной минуты, когда мы могли бы сказать: вот теперь начались отношения. Не было громких обещаний или заранее подготовленных признаний. Просто однажды я поняла, что уже жду его не как случайного собеседника. Мне хотелось быть для него человеком, к которому можно прийти с любой новостью. Хотелось, чтобы он знал: где бы он ни находился, что бы ни происходило вокруг, его всегда будут ждать мои сообщения, моя забота и мое тепло.

А потом появились слова, которые нельзя было больше считать дружескими.

Мы начали говорить о чувствах – сначала осторожно, почти намеками, потом все честнее. И оказалось, то, что я так боялась назвать, живет не только во мне. Между нами действительно было взаимное притяжение, нежность и желание быть ближе. Искра возникшая из одного неожиданного сообщения, постепенно стала огнем, который согревал нас обоих.

Наши отношения начались не с идеальных обстоятельств. Они родились среди тревог, расстояния, ожидания и неизвестности. Но, может быть, именно поэтому в них с самого начала было столько настоящего. Мы не могли позволить себе слишком долго играть в равнодушие. Каждое слово имело значение, каждое признание казалось особенно ценным, а каждая возможность поговорить становилась маленьким подарком.

История о том, как среди тревожного времени можно найти тепло. Как даже через расстояние можно почувствовать чье-то сердце. Как один человек способен напомнить другому, что он не один. Как иногда самая сильная искра появляется именно там, где ее совсем не ждешь – в тишине, среди невысказанных слов, в неожиданном сообщении от человека, о котором ты думала слишком часто, чтобы признаться в этом самой себе.

Так появилась эта книга – из воспоминаний, чувств, разговоров, улыбок. Из желания сохранить нас такими, какими мы были в самые настоящие моменты. Из моей любви к нему и нашей истории. И, конечно, из его поддержки, которая помогла мне поверить: иногда любовь настолько велика, что ей становится тесно в сердце. Тогда она ищет выход – превращаться в слова, в страницы, в историю, которую хочется рассказывать снова и снова.

Сначала это были лишь отдельные фразы, обрывки воспоминаний, короткие заметки, которые я записывала, боясь потерять. Иногда они появлялись неожиданно – поздним вечером, когда город за окном уже затихал, или утром, когда новый день еще только начинался. Я записывала то, что происходило между нами, то, что, чувствовала сама, и то, что, как мне казалось чувствовал он. В этих словах постепенно складывалась не просто книга. В них заново оживали мы.

Однажды ко мне на работу приехал курьер с огромным букетом ярко-красных роз. Цветы были на столько роскошными, что на мгновение, я просто застыла, не веря, что они предназначены мне. Среди бархатных лепестков лежала маленькая записка: "От персонажа из книжки, тобою начатого романа".

Я перечитала эти слова несколько раз – и сразу поняла: это Антон. Только он знал о романе, который я начала писать о нас. В груди стало тесно от счастья, а глаза мгновенно наполнились слезами.

Он сумел сказать так много всего несколькими словами и одним букетом. Рядом была его сестра Юля – увидев меня, она тоже расплакалась. Я плакала от переполнявшего меня счастья, а она – от искренней радости за нас.

"Ты только дождись меня," – повторял он.

И я ждала.

Ждала не только его возвращения, но и того будущего, о котором мы говорили по ночам. Будущего, где нам не нужно будет сверяться с расписанием, ловить редкие минуты связи и считать дни до встречи. Где можно будет просто проснуться рядом, услышать его голос не из телефонной трубки, а совсем близко. Где его рука будет находить мою не в мечтах, а в темноте обычного утра.

Он называл меня своим ангелом, но я никогда не чувствовала себя кем-то особенным. Я была просто женщиной, которая любит его и хочет быть рядом. Хотела поддерживать, когда ему трудно, напоминать о доме, о тепле, о том, что его ждут. Мне хотелось стать для него тем местом, куда можно просто возвращаться, не только телом но и душой. Возможно, это и есть любовь – не всегда быть рядом физически, но оставаться близкими сердцу. Согревать человека

даже на расстоянии. Дарить ему свет в те моменты, когда вокруг слишком много тьмы. Не требовать невозможного, а просто верить, надеяться и ждать.

Я часто думала о том, что для Антона значит это ожидание. Может быть, среди тяжелых дней ему действительно помогла мысль обо мне. Может быть, мои слова становились для него маленьким источником сил. И тогда я понимала: если он видел во мне своего ангела, то сам он был для меня чем-то гораздо больше. Он был моей надеждой, моим самым долгожданным человеком, тем, ради кого расстояние казалось временным, а любые трудности – преодолимыми.

Я записывала его просьбы, перечитывала их по несколько раз, боясь что-нибудь забыть. Мне хотелось передать ему все – до последней мелочи, до каждой нужной вещи, которая могла бы сделать его день хотя бы немного легче. В каждом пункте его списка мне слышался его голос. И за каждым "пожалуйста, если сможешь" я чувствовала не просьбу, а его надежду на то, что где-то далеко есть я – та, которая помнит, переживает, и делает все возможное, чтобы быть рядом хотя бы таким способом.

В тот день я ходила по магазинам под сильным ливнем. Дождь стекал по волосам, промокла одежда, вода собиралась у ног, а зонтик то и дело выворачивало порывами ветра. Улицы блестели, машины проносились мимо, разбрызгивая грязную воду, люди спешили укрыться под козырьками и навесами. Но мне было не до дождя. Я держала в руках список и думала только о нем.

Мне хотелось найти все, о чем он меня просил. Не заменить чем-то похожим, не купить первое попавшееся, а выбрать лучшее из того, что было возможно. Я переходила из магазина в магазин, проверяла размеры, сроки годности, упаковки, снова и снова перечитывала, чтобы ничего не упустить. Временами я уставала, промокала до нитки, замерзала, но внутри меня было такое теплое чувство – будто я не просто иду по мокрым улицам, а прокладываю к нему невидимую дорогу.

Каждая покупка становилась маленьким признанием в любви.

Дома я раскладывала все на столе и долго смотрела на собранные вещи. Казалось, что передо мной лежит не просто гуманитарная помощь, а частица моей души. Я бережно перебирала содержимое, еще раз проверяла каждую упаковку, складывала все аккуратно, чтобы в дороге ничего не повредилось. Я старалась сделать так, чтобы коробки дошли до него такими же заботливыми, какими я их собирала.

Я думала о том, где он сейчас. Представляла, как он живет там, вдали от дома, среди тревоги, холода и постоянного ожидания. Думала, как ему не хватает простых вещей: тишины, спокойного сна, домашнего света в окне, возможности просто проснуться и не слышать вокруг ничего страшного. Мне хотелось хотя бы на короткое время подарить ему ощущение, что он не один.

Поэтому я складывала в эти коробки не только продукты, одежду и необходимые вещи. Я складывала туда свои мысли, свои молитвы, свою тревогу и надежду. Складывала бессонные ночи, когда не могла уснуть и представляла, все ли с ним хорошо. Складывала каждое наше слово, каждый разговор, каждое твое "береги себя". Складывала свою нежность – осторожно, словно она тоже могла разбиться в дороге.

Когда я клеивала коробки скотчем, то невольно проводила ладонью по каждой из них. Будто могла прикоснуться к нему через картон, будто могла защитить его этим простым жестом. Я проверяла, крепко ли все закрыто, не выпадет ли что-нибудь, выдержит ли дорогу. Мне хотелось уберечь даже самую посылку, потому что в ней было слишком много моего сердца.

Я подписывала коробки и думала о том, что имя "Антон" для меня – это не просто имя на бумаге. За ним – его голос, его взгляд, его улыбка, его привычки, наши разговоры и все то, что связывает нас, несмотря на расстояние. И пока я выводила буквы, мне хотелось верить, что этот маленький знак обязательно найдет его.

Потому что все это – для него, моего Антона.

С любовью.

С надеждой.

С ожиданием его возвращения.

Несмотря на расстояние, которое разделяло нас, Антон всегда умел быть рядом. Между нами могли лежать сотни километров, города, дороги и бесконечные часы ожидания, но он словно находил особенный способ преодолевать все это. Его присутствие ощущалось даже тогда, когда он не говорил со мной, когда экран телефона оставался темным, а вокруг становилось непривычно тихо. Он умел напоминать о себе не громкими обещаниями и красивыми словами, а маленькими, но такими важными знаками внимания, в которых всегда чувствовалась его забота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.